

Ильин Роман
АВТОБИОГРАФИЯ

12+

Роман Валерьевич Ильин

Ильин Роман. Автобиография

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33572782

SelfPub; 2018

Аннотация

Краткая, насколько это возможно, автобиография Романа Ильина – ничем, по сути, не примечательного, – но всех так нездорово заинтересовавшего. Рекомендуется к прочтению.

Содержание

Вступительное слово	5
Краткая предистория	6
Глава первая	9
Глава вторая	20
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Ильин Роман. Автобиография

Вступительное слово

Все, как говорится в русской судебной практике, подвзянаны и связаны, поэтому будут молчать. Так говорят все и сами. Поэтому всю историю пала честь рассказать главному действующему лицу. История таинственная и, как все русское, тупая, но действующие лица выказали небывалые человеческие особенности поведения, действий и проявили то, о чем писать нужно далеко не биографию. Но, поскольку в ней присутствует немалая доля так непонятной и не принимаемой никем мистики, – все же, это будет биография, а не очередное заявление в суд, в темах которых я сам уже запутался.

Происходившее и происходящее будет описано в хронологической последовательности, как запомнилось и как записалось в редких попытках писать дневник, или, лучше – судовой журнал происходящего. Особенно полным он был за 2013 и 2014 года – что не странно.

И как жаль, что не велся ранее за десять – пятнадцать лет!

Краткая предистория

Эту историю следует начать задолго до моего рождения, когда в стране царствовал Советский союз.

Отец моего деда, Василия Степановича Ильина, был расстрелян при возведении оборонительных укреплений под Тулой – незадолго до Второй мировой войны. Расстрелян был на месте работ из-за разногласий с комиссаром или же представителем контролирующей его бригаду организацией – расстрелян сразу, без суда. Рассетрелян, возможно, и просто начальником бригады, – но сути это не меняет. Реабели-тирован был в пятидесятых годах двадцатого века.

Вторая трагедия по вине Советского союза произошла уже с другим давним родственником – со стороны матери. Прадед был «кулаком» – своими силами наладил мануфактуру, которая силами союза превратилась в воспоминание. Но, благо, на тот момент остался жив. До финской кампании, когда под бравый приказ нести в финляндию коммунизм были заживо заморожены финскими морозами, и на линии Маннергейма расстреляны финскими снайперами тысячи русских солдат. В том числе и мой прадед.

Дед Василий Степанович, о котором подробнее (насколько возможно) будет рассказано далее, в ходе ВОВ был отправлен на украинский фронт бороться с бандами бендеров-

цев, которые, получив высшее разрешение немецкого командования, занимались уничтожением мирных деревень, диверсиями и устроили небольшой, но кровавый геноцид населения этой территории. Вернувшись с фронта с победой, дед женился на бабушке (пока упоминается в такой форме), Анне Кузьминичне, и до конца советского союза и выхода на пенсию трудился на Тульском комбайновом заводе, Тульском Хладокомбинате и Тульском Горводоканале.

Анна Кузьминична, родом из села Крапивна (если верить ее рассказам), во время войны работала в тылу, и, можно не сомневаться, в итоге получила соответствующее звание. После войны, после свадьбы, пошла учиться швеей на Тульскую швейную фабрику и через много лет оказалась главным инженером Тульского дома быта и управляющей – как бы назвали сейчас – сетью еще существовавших советских государственных ателье. Прибавив к этому наказ одной из советских правительственных организаций не разглашать историю с расстрелом и реабилитацией, семья Ильиных смогла рассчитывать и на карьерный рост, и на высокий доход и на квартиру №231 во вновь построенном современном доме «Китайская стена» – № 130, в современном районе «Криволучье», ранее бывшим лугом. Или лесом с болотом.

Потеряв все заработанное – или скопленное – в 1991 году, и получив семейные проблемы своего сына Валеры и его жены Наташи, квартира была продана, и началась моя жизнь.

Не забуду так же единственную живую нынче мою бабуш-

ку Валентину Барбину, родившуюся в начале тридцатых годов в деревне, что была почти рядом с усадьбой И. А. Бунина. Прошедшую войну в гораздо более близких к боевым условиям, заставшую одну из последних стадий отъема частной собственности – коллективизацию, после войны поработавшую маляром и остаток времени до выхода на пенсию – много десятков лет – на железной дороге, и в это же время имевшую силы родить мою мать. В настоящее время живет в поселке Плеханово, в чуть ли ни лично ее руками построенной пятиэтажке.

Муж ее, Николай, отец матери, для меня, еще маленького ребенка, – остался только в воспоминании. Дед сидел в полупустой квартире, окруженный стопками книг (часть которых, им подписанная, теперь сложена у меня в шкафу) – и, наверно, что-то говорил. Мать моя не старалась посещать его ни сама, ни с сыном. Это был единственный раз. Второй раз уже был гораздо позже, и посещение было кладбища.

Бабушка Анна Кузьминична умерла в 2017 году, дед Василий Степанович в 1997 году.

Валеру, «отца», я не видел с 16 лет. Но слышал в 2015 г., звоня бабушке и узнав, что ее положили в больницу. Как потом отреагировала бабушка, будет рассказано далеко позднее.

Далее – подробно.

Глава первая

Меня же зовут Ильин Роман Валерьевич, родился 22 декабря 1985 года. Рождение произошло в Первом роддоме г. Тулы, и ни его момент, ни что было до него, – как и то, что происходило в роддоме и после него, – я не помню. Есть фотография, где мама Наташа – молодая студентка (а, может, такой же молодой инженер КБП) держит в руках меня, плачущего и завернутого в пеленки, сама сдержанно улыбаясь.

На дворе тогда был конец советского союза, все были добрые, красивые и милые, атмосфера была советской близости людей и все было вполне комфортно.

Привезли меня в общую для новой семьи и для дедушки с бабушкой квартиру 131. Так и запомнилась фраза без пробелов, звучащая на вопрос «Где ты живешь?» – «домстодвадцатьквартирадвеститридцатьодин». От двери, когда приходили гости, играла мелодия «Не слышны в саду даже шорохи», и на 2-3 года дедушка подарил мне волнистого попугая Лори. Принес его в коробке. Помню, как однажды сел попугай на створку ножниц, и что-то дернуло эти ножницы сжать. Поранил попугая лапку. Попугай был умный, всем интересующийся, участвовал в жизни ребенка, ел его тетрадки, говорил «Как дела, хорошо?», «Лори хороший мальчик», часто ругался и умер через одиннадцать лет, примерно вместе

с дедушкой. Но был своевременно заменен копией, которую я не принял. Не бывает у живых существ замен.

У дедушки были две канарейки – кенор и, наверно, молчаливая самка. Часто к окну прилетали снегири. Так же часто я стоял перед окном и смотрел вниз – не приехал ли папа. Не стоит ли его машина? Не приехал. И появлялся все реже и реже.

Отец остался смутной фигурой в детской памяти. Сидит, – как мальчик, – в ванной, клеит из пенопласта автомат. Клей – «Момент». Может, и не автомат ему нравилось клеить больше. Но мать быстро все закончила свойственным ей нервным ором – но тогда по делу. Отец, если примерно собрать вместе периоды, незадолго перед этим отслужил в армии. А вскоре (все это происходило в рамках 85-90х годов), был послан в Англию, – может с командировкой – только от кого? – а может дедом с бабкой. Странно, плохо помню вообще, чтобы он был дома, – а чтобы занимался с сыном – вообще не помню. Но, приехал из Англии ночью, вывалил гостинцы в зале и пропал – может только из памяти. А помню, что я, маленький, долго не понимал, кому привезена машинка F1 на дистанционном управлении, игрушка, – как тетрис, – только фирменная, про гонщиков на машинках, и робот-трансформер. Фирменный, японский. Еще привез стопку журналов с товарами разных супермаркетов, и я долго – много лет – их рассматривал, выбирал всем подарки, думая, что еще поедет. А он просто уехал. Или не было его почти.

Один раз вернулся, поставил ноутбук (88-89 год!) с запущенным тетрисом около телефона и уехал. Сказал – позвоню. Позвонил? Не помню. Ждал и смотрел на тетрис.

Смотрел и видеомаягнитофон, привезенный оттуда же, такой же фирменный, далее попавший при разделе семьи – матери и мне. Не раз чиненый, сейчас в неизвестности. Смотрел Робота Полицейского, может, что-то еще, но запомнился он. Из дальнейшей жизни, мать приобрела примерно в 14 лет кассету про умирающего от рака мальчика. К чему?

Зато с дедушкой проводил относительно много времени. Дедушка подарил мне хоккейную шайбу – детскую, маленькую – и один раз зимой сыграл со мной в подобие хоккея. Почему-то, стоя, даже не на коньках, я много падал. Помню этот хоккей головой от земли (наканного снега). Возил еще на санках. Один раз, в порыве любви, решил подбрасывать меня к потолку. У меня кружилась голова и как будто в ней все ходило вверх-вниз. Были с ним один раз на его работе – хладокомбинате – угостил своей продукцией. А мороженое мне было нельзя, и я как убогий больной пил его растопленным матерью из железной кружки. Были еще на стадионе школы рядом с домом, дед угостил куском рафинада.

Не могу не сказать про Виктора Цоя и группу The Beatles. Мало помню проявлений отцовского внимания. Одно. Сидя у него на коленях, слушал «Что взлетая оставляет земле лишь тень». Битлз играли просто так и довольно часто. Может еще что-то играло, – и проявлений было два или три. Не

запомнилось. «Не рубите дерева, не рубите».

Запомнилось, что у него было хобби – фотография – с вытекающим из нее техпроцессом проявки, закрепления и т. д. под красной лампочкой. Вот под ней-то 3-4 летний ребенок был вынужден увидеть, – прошу прощения, – не отцовское хобби, а то, чем мать родила. В исполнении матери. Может, такой способ полового воспитания? Потом расскажу о результатах. Спал с матерью чуть не до 17 лет – это к воспитанию. До них же носил колготки. Чтоб не замерзнуть. Замерзнуть-то не замерз, а ноги ходить перестали.

Еще действенным способом воспитания был способ прививания чувства вины. Бабка, купив модель РСЗО на колесной базе – советская игрушка с напружиненными ракетами (можно было выбить глаз коту с двух метров – что и произошло позднее), всячески старалась, – не отдавая игрушку, – а поставив ее на видном месте в зале, пробудить во мне все возможные чувства ответственности за все, что только мог совершить трехлетний ребенок – и в итоге дала добро. Иди и играй. А еще был танк Т-34 на проводном управлении – и не помню, чтобы меня, перед вручением, каким бы то ни было образом пытались унижить.

Была еще у папы комната, где он жил еще подростком. По логичной случайности, она находилась в той же квартире, где и вся остальная семья. Допущен его маленький сын был в нее пару раз, – сам папа показывался на глаза не больше, – а бабка провела экскурсию. Закончилась она находкой

балалайки, от которой сразу отвалился гриф, – в чем был обвинен я, – и расстроенным банжо, которое было в 3 раза меня больше, поэтому мной не исследовано. Еще отец занимался электроникой и у него был огромный набор резисторов, транзисторов, сопротивлений и всего остального. Надеюсь никогда не стать на него похожим, но паяльник с припоём купить тоже пришлось.

Бабка была строгая, неразговорчивая, и старалась не попадаться наедине. Но, один из пяти новых годов, был отмечен совместной поездкой с ней за елкой, – на седьмом трамвае, – такой огромной, что упиралась и сгибалась под потолком. О подарках ничего не помню. Помню – ждал, писал письма Деду Морозу, оставлял их на окне. Но новый год тогда еще был самым настоящим Новым Годом. Душа поднималась, звучал «Последний час декабря» и было удивительное напряжение внутри. И хлопья снега в желтых фонарях.

Строгая, но как сама говорила, «с болью в сердце» – смотрела на пачки векселей, хранившихся в стенке зала, – как о пустых воспоминаниях бывших доходов и сбережений. Путин благосклонно вернул положенные ей в сбербанк деньги в расчете 1 к 30. Все мое наследство составило три тысячи рублей.

Но в итоге единственное, что от бабки привилось, это любовь к Анне Герман и невосприимчивость к ней самой. До момента ее уже почти критического состояния от сахарного диабета, которое совместилось с моим самым серьезным обостре-

нием, после которого я стал неизлечимо больным. Негативные стороны личности, в которых старались убедить и упрекнуть тогда и впредь были успешно выдавлены.

Один раз бабка была настолько близка, что взяла меня к своей подаруге в гости. Ехали через всю Тулу, на улицу Болдина. Тула была светящаяся солнцем, вся в огромных деревьях и такая красивая, какой ей уже не быть. Посещение подруги оставило странный отпечаток в памяти – были показаны какие-то вещи, сказаны какие-то слова, обсуждена моя судьба. Тула же современная сделала из деревьев обрубки без веток – голые стволы – а теперь их просто спиливает.

А я, один раз за детство – пришла такая идея пятилетнему ребенку – решил купить деду крючки для рыбалки. И пришел в «Спорт-туризм». Выбрал, оплатил в кассе, и от страха просто ушел без крючков.

Мать была стандартная до возраста, при котором уже не хватало просто качать в колыбели и читать сказки. Стандартная кроме красной лампы. Всю мерзость человеческую и женскую в частности пришлось узнать уже немного позднее рождения.

Детский сад был прямо перед подъездом. Из него только два воспоминания. Первое – однажды был оставлен в тихий час один в спальном комнате. Причин не помню, помню только ощущение, что что-то было не так. Второе – как техничка моет попу из шланга с лейкой.

Ор. «Отец» со стулом бегают по всем трем комнатам за

матерью и орет. Ему орут в ответ. Я стою на кухне, сжатый и соредоточенный.

Скоро был развод.

И соседи. Первый пример придуманной фамилии в моей жизни, – Заика. Заикой я не стал, но мать говорила, что у дочери Заики тоже дискенезия желчевыводящих путей. Информация важная, ребенок запоминал. Лечить мать пыталась все время, сокрушалась о здоровье постоянно, в больнице провел времени много, и об этом позже.

Была еще чья – то кровь в лифте и разговоры о том, что кто-то кого-то убил. А я боялся зайти на какой-то абстрактный верхний этаж к кому-то.

И даже был друг, живший в рыжей кирпичной девятиэтажке рядом. Что-то хотел сделать. Не помню.

К бабушке Вале, с материнской стороны, меня возили очень редко. Бабушка попала в аварию – открытобортовой зил, на котором ехала ее бригада то-ли со сбора, то-ли на сбор уро- жая, – на работы, – врезался в другую машину, перевернулся, и если верить ее истории и истории, рассказанной матерью, – в живых осталась обна бабка. Но почти парализованная – что пришлось много лет компенсировать занятиями и лежанием в больницах. Странно. Я склерозник, инвалид, и мне приходится компенсировать неработающее тело занятиями и лежать в больницах. Но это не меняет того, что с головой у бабки все мое детство были проблемы, и мать старалась не показывать ни меня ей, ни ее мне. Но орала она

на нее как на врага. И вообще была нервной мама.

С детства у семьи, вернее у деда с бабушкой, была дача в Басово. И часто, если память ребенка, сжатая в несколько минут, может быть растянута на 5 лет, мы с матерью, – и только с ней, – отец несколько раз был уже там, – приезжали. На даче велось строительство и на меня времени не было. Сажали на втором этаже, показывали старые журналы «Трамвай», бесконечную подборку томов ленина, старые игрушки. Дед показывал тайные входы за стены, открывавшиеся металлическим штырем. Бабушка давала понять, что все тут чужое, и ты тут не особенно свой. «Но по саду походить можешь». Лазил по щербатым яблоням. Разбил молотком палец. Дед считал себя виноватым. Он гордился лестницей на второй этаж, один раз отвел на рыбалку, один раз на пруд. Один раз через железную дорогу. Помахали поезду – он ответил. Прошли коровьи лепешки, вышли к тростнику. Дед сказал, что он ядовитый и сделал дудку. Пошли дальше, там был красивый поток чистой речушки через камни.

Показал как рубить дрова и выявлял горячую надежду и уверенность, что дом достроится и все будет хорошо.

Там тоже были какие-то друзья. Научили кидаться камнями в лягушек. Одну убил. Рассказывали зачем-то, как можно сидеть под водой. Не сомневаюсь, что с дудкой из камыша.

Каждый раз, при подходе на дачу, дед не забывал протереть руки ягодами бузины – что заменяло их мытье с мылом. Еще любил протирать их эстрагоном. Пахло приятно.

Бабка готовила из посаженных ею овощей обед, грела его в печи. Иногда были пирожки с яблоками – наверно, каждый помнит свою бабушку по самым вкусным пирожкам. У меня тоже такие были. После обеда обычно мы с матерью уезжали – или уходили – до остановки было тридцать минут ходу мимо таких же дач, заборов, водокачек. Иногда проходили через дачу соседки, подруги Анны Кузминичны, – к которой можно было попасть, пройдя через заднюю дверь заросшего участка, мимо туалета. Это была стареющая женщина, грустившая об увядающей красоте своей и всего мира вокруг. Находится с ней было приятно. Помню еще, что она растила цветы, которые питались белым хлебом. Иногда уходили через калитку соседей по участку, имен уже не помню, и живых уже не осталось. О них будет рассказано позже.

Зачем-то помню себя посаженным в бак с навозной водой. Или представлял потом, как посадили. Или приснилось. А перед калиткой на дачу была огромная его куча.

А еще у деда был мотоцикл «Урал». А у отца дорожный с маленьким диаметром колеса велосипед «Десна». Ну и у меня тоже был трехколесный, дорогой, о чем мне не забывали напоминать. А когда он сломался, – что логично при использовании техники, – упрекать, пока не забыли. И то ничего, – сейчас, если напомнить, будет то-же самое.

На мотоцикле дед, будучи еще в силах, несколько раз возил нас вдвоем на дачу. Кто-то в коляске, кто-то сзади. В гараже, находящемся прямо сейчас через дорогу – и, есте-

ственно, никакого отношения ни к «семье», ни к мотоциклу уже не имеющем, – тогда солилась капуста, выдаваемая строго определенным числом банок в год, были инструменты, электрический точильный круг. Велосипед «Десна» тоже ждал, когда подрасту. Но когда пришло его время был почти сразу кому-то отдан. Было темно, пахло сыростью и было ощущение, что меня сильно ценят, когда разрешают потрогать мотоцикл, постоять около гаража, или дарят спицу.

Последнее, что тогда дед сделал на даче – посадил кусты черники. Черные ягоды, и больше. Насколько я помню, на дачу он больше не ездил.

Все разошлись вместе с советским союзом. Отец куда-то уехал, – говорили, – в Беларусь, и до срока слышно его не было. Бабка с дедом переехали четырьмя остановками глубже в криволучье, а мать и я еще дальше, – в однокомнатную квартиру. Позже, дождавшись, когда умрет ее отец – что тоже пришлось к сроку – и получив наследство, сразу купила двухкомнатную квартиру № 113. Зато близко к школе.

О переезде только помню, что, переехав, долго говорил «хочу домой», и произошло некое психологическое разделение на непринимаемое действительное, – непринимаемые, непонятые изменения и действительность недавнюю, в которой осталось сознание. В известность о происходящем, его причинах никто ставить не стал.

Хотя я и принимал участие в выборе будущего места жизни, и хороший вариант в самом центре города, – напротив

стадиона «Арсенал», – был не использован. Но как красноречиво вздыхалось матери, смотревшей на новостройки во все том же криволучье, – но ближе к первоначальному дому 130.

Глава вторая

Глава вторая для многих началась лихими воровством девяностых, для меня же унижительно-взрослением в одиночестве, и периодом подстроенных людьми, – знакомыми и нет, – событиями, не законченным до сих пор.

Квартира, в которую переехал остаток семьи, была сорок девятая – что странно, но не странно то, что окном своим выходила на одиннадцатую медсанчасть, к которой мать попыталась привязать меня на всю жизнь.

Но, если говорить о больницах, я, – пятилетний ребенок, – был таскаем в другую – детскую, где отсидел с огромным удовольствием и любовью не один час и очередь. В основном, по обычным для детей заболеваниям. Когда Туле стало ясно, что необычное заболевание было уже тогда, лечащий врач в 2013 году «умер». Как предпочло «умереть» много людей, посчитавших свою жизнь ценнее загубленной моей.

Об этом позже и все время.

Переезд начался с впускания внутрь квартиры вновь полученного маленького кота модели «норвежский лесной» с именем «малыш». Квартира была пустая, и «Малыш» решил обозначить всю территорию, как свою, и продолжал обозначать ее до момента своей – для меня – пропажи. Ма-

лыш вырос в злого кота, который драл задними ногами в кровь мне руки (шрамы остались до сих пор), которого заперали в ванной, когда уходили из дома, который насилдовал мои колготки и один раз умудился сбежать с четвертого этажа квартиры. Прыжком об землю. В результате получил сломанную ногу и рентген в Симашко. Кости срослись, малыш пришел в форму, и продолжил выживать и охотится на меня и, наверно, и на мать. Поэтому, однажды, она сказала, что его больше нет – отвезен куда-то в частный дом. Уверен, что его просто усыпили.

С малыша начались мои физические травмы. Встретившись с ним однажды в туалете, появилась необходимость его пнуть, что кончилось уже сломанной моей ногой. И что обидно, но почему-то было всегда весело рассказывать «друзьям», например, Павлику Кузьмину (о нем много и ниже), – удар пришелся не по коту, а по унитазу. Но это были уже школьные времена, 6-7 класс и 96-97 года.

Попытаюсь вернуться в начало. Россия 90-х была плачевным зрелищем с китайским содержанием для детей и залитая водкой для взрослых.

Дорогой японский робот сменился китайской подделкой на его тему, машинки стали такими-же и появился полицейский набор с пистолетом, значком и дубинкой. Теперь появилась стопка заявлений в полицию и суды. Развитие налицо.

Отец начал отдавать свой отеческий долг каждый год, первого сентября, приезжая на машине «Рено» (позже смени-

лась на семерку и исчезла вместе с ним) и оствозя меня в Парк им. Белоусова, пытаюсь купить дорогие игрушки (я не мог согласиться – неудобно и дорого – всегда за молчаливым «да» говорил «нет», – а он и не настаивал), ходя со мной по аттракционам и иногда фотографируясь. Его я стеснялся, о чем говорить, и что говорить – не знал, поэтому встречи были короткими, и через 2-3 года прекратились. Зато в парке стоял замечательный пассажирский самолет Ту-какой-то, ржавели люльки с гнутыми пропеллерами ЯКов, – и как бы не был он по-советски запущен, парк был мил и дорог. Сейчас бездушен и осквернен современными дураками.

Отец отметил мое присутствие в жизни еще пару раз, при-слав раз на день рожденья телеграфную ленту на 10 слов, переданную мне в открытке бабкой. Что в ней говорилось, кроме тчк, папа, с днм рждния, – я не помню. Помню, что от него же, мне, – еще в 6 летнем возрасте, – досталась музыкальная открытка, очень мной любимая. Года до 2015, когда в глаза бросилось, что действительно на ней изображено. На переднем плане грустная человекообразная собачка, сидящая в люльке сдутого воздушного шара, и, на фоне – другие – взлетающие или наполняющие свои шары воздухом собаки.

Как-то раз, вынося мусор (помойка была около дома Кузьмина) кто-то открыл люк, – а я, увлеченный в игру «робокоп» (представлял себя роботом полицейским, наводил на всех при цел, и, наверно, стрелял – пистолет из бедра доста-

вал точно) – в этот люк провалился. Конечно, тулякам, придумавшим такое, труп ребенка в люке был не нужен, поэтому глубиной он был с меня – чуть больше полутора метров, и заполнен проводами.

Еще один раз пришлось представлять себя робокопом в стадии починки и настраивать ноги, которые, почему-то, начали ходить подгинаясь, и перестали полноценно управлять ступнями.

Было постоянное ощущение, что за мной следили, – и видели, – что я делаю в пустой квартире. Была даже фантазия, что за мной летает миниатюрная камера и следит за всем. Так и оказалось. Следили. Вот почему и как – вопрос.

Примерно в девяностом-девянносто первом началась с моей стороны учебная деятельность, – а со стороны матери, – «беготня» со мной по дошкольным секциям английского языка, какимто еще, – и, в итоге, устраиванием меня в дошкольную школу при первой гимназии номер один города Тулы, находившейся в детском саду за домом, в котором я «живу» теперь. Начальные знания письма, математики, рисование, физкультура. Проблемой, причину которой я не могу вспомнить, – было отношение ко мне учителя и директора – огромной женщины. Она что-то хотела сделать, вторая была необоснованно недовольна. Тафинцева Любовь Михайловна, просто так, для информации. И недовольство ее кончилось тогда, когда я, как ученик уже 4-го класса гимназии после начальной школы был не переведен в среднюю, а «выту-

рен», как говорил директор, за «поведение, несоответствующее высокому званию гимназиста». Еще позже, когда меня вернули обратно, уже в шестой класс, – он говорил, что «вы все закончите со справками». Институт я закончил тоже на четвертом курсе и именно со справкой. И живу пятый год с берушами в ушах, как и работает в них до сих пор и он (для него – чтоб дети не орали). Но это случайность, к тому же рассказанная мне Павликом Кузьминым, а о них позже.

В дошколе мне подозрительно навязчиво понравился запах резины на физкультурных мячах (воспитание отца не прошло даром), а вот упражнения давались как-то подозрительно тяжело.

Из начальной школы помню мало, – только то что учился нормально, не перечил и не дрался. Ребенком был замкнутым, и сидел за одной партой с Наташей Зайцевой, – как и в дошколе. Помню еще, как сидевший на окне детской веранды, мой друг Андрюша Леваков, был мной столкнут, – столкнут с усилием, – и, упав, сломал руку. А я стоял и не понимал, ни что произошло, ни кто или что управлял моим поступком. Зато мать получила возможность посещать со мной больного. Дружба, естественно не увеличилась, но у матерей возникло подобие общения, которое я встречал иногда до каких-то последних лет.

К девяти годам меня отправили на обучение в музыкальную школу, которую закончил в 99 году пианистом. На занятия специальностью приходилось ездить к 7 часам утра, что-

бы мать, отвезя меня, успевала на работу. Поэтому заниматься любил не совсем, и дома домашние задания делал редко. Все произведения обрабатывались уже на уроках. что не помешало играть аттестационные концерты и здавать экзамены на четверки. Учительница, Людмила Анатольевна Пьяникова (за что и к тому же меня пытаются назвать пьяницей) была хорошим преподавателем, и учитывая мой без самоотдачи подход, терпеливой. Из-за этого и не заинтересованной в будущем пианиста. Поэтому пианист, по окончании школы, из-за невостребованности ни родными, ни основной школой, – гимназией, – играл мало. Но были ансамбли с альтисткой (по-моему) и такой же учащейся Лизой Фатневой, которая училась некоторое время в том же «А» классе гимназии, и с которой мы исполняли дуэт «Платье в горошек и лунный свет», – однажды даже репетируя у меня дома. Лиза хотела подарить мне конский волос от смычка, но я не взял. Потом она, классу к десятому, женилась на Роме, – и родила ему сына.

Остальные дисциплины – сольфеджио и хор проходили тяжело. Из хора меня выгнали в первый же год, сольфеджио было для ребенка тяжелее математики и настолько же неинтересно. За то, что при выполнении заданий по разрешению аккордов, в которых я не понимал ничего до времени, когда стал более плотно заниматься на инструментах – а это уже настоящее, – или уже прошлое время, – я был часто оставляем после занятий один в темном классе с раздолбанным ры-

жим роялем, что никак не прибавило любви к музыкальной теории и матери, которая приходила забирать меня из школы гораздо позже, чем кончались занятия. Приходил в музыкальную школу десятилетний ребенок ночью, и уходил ночью. А дома ждал детский синтезатор касио с размером клавиши под палец ребенка. Поэтому первый год или два дома я вообще не играл. Зато играл на домашних мероприятиях у частной учительницы английского языка, дочь которой была одноклассницей из параллельного класса гимназии и к которой записала меня любящая мать. Дочь впоследствии тоже пришла учиться в музыкальную школу к тому же преподавателю. Обычное пианино «Аккорд» было куплено позднее. При покупке мать была обманута – пианино привезли другое и умудрились при подъеме на этаж уронить его. Треснули фанерные части, настройщик долго занимался их склейкой и вгонкой колков, и в итоге оказалось, что прошлое его не очень способствовало его сохранности. Но стоит пианино – вот – рядом, на торце крышки выбито 013, настроено недавно, хотя и держит строй на некоторых колках плохо. Есть ключ, китайский, а у меня – возможность подстраивать его. Школа музыкальная закончилась, что жаль, документом с четверками, в котором мой преподаватель подпись свою ставить не стал. Хорошо хоть, что не «умер».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.